

И.Ю. Суркова, В.Н. Ярская

НОВЫЙ ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

**ГРИГОРЬЕВА И.А., КЕЛАСЬЕВ В.Н. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ.
УЧЕБНИК. СПБ.: СПбГУ, 2004. 356 с.**

Социальная инновация

Институционализация социальной работы — это ответ на растущее число разнообразных социальных проблем, напрямую связанный с контекстуальными изменениями в российском обществе, культуре и государственной социальной политике. По своей сути — это новый феномен российской культуры. Университетские отделения, факультеты, кафедры социальной работы стремятся повысить престиж новой профессии, хотя отчетливая критика в адрес образования и практики почти отсутствует. До сих пор ведутся дискуссии, должна ли социальная работа рассматриваться как самостоятельная область теории и практики или же она должна быть некой смесью психологии, педагогики и социальных услуг. Один отечественный ученый вообще подверг сомнению научность данного направления в виду того, что в его названии присутствует понятие работа.

Для нас социальная работа — это тотальная научная и практическая инновация: и новая профессия, и социальная практика, и обновление жизненных форм, ценностей, идентичностей. Хотя с начала 1990-х гг. в России многое было сделано для развития социальной работы, ей пока недостает признания со стороны общественного мнения, многое нуждается в анализе, пересмотре, переоценке. Именно в этих целях организуются конференции, выходят публикации, обновляется учебная литература, переводятся западные научные и учебные монографии. Социальная работа выражает социальное самосознание нации, гуманность и цивилизованность государства, тип культуры, научной рациональности*.

В этом контексте можно полагать важным событием для социальной работы как науки, области практической деятельности и образовательного направления в России, выход в свет учебника, написанного известными авторами — И. Григорьевой и В. Келасьевым и представляющего социальную работу как науку. Научное направление в современной социальной работе находится на пересечении методологических и предметных областей анализа социального неравенства и массового сознания, социальных настроений, новой концепции социальной политики, возможностей обеспечения социальной безопасности

* Для сравнения: двум американским социальным работникам, занимавшимся преподавательской деятельностью (Дж. Адамс в 1931 г. и Э.Г. Балч в 1946 г.), была присуждена Нобелевская премия мира, что говорит о безусловном признании социальной работы как профессии, науки и учебной образовательной программы во всем цивилизованном мире.

человека адекватно условиям социальных трансформаций, рефлексии социальных типов носителей различных установок на способы жизнеобеспечения.

Концентрация научно-методических разработок вокруг УМО по специальности привела к тому, что достаточно редки издания книг, написанных не под эгидой РГСУ, хотя и вышел недавно рекомендованный УМО учебник под редакцией А.А. Козлова, специальность развивается, растет число обучаемых и потребность в учебной литературе. Рецензируемый учебник весьма актуален еще и потому, что представляет собой оригинальный авторский подход к предмету. В основу концепции, развиваемой в учебнике, положены классические социологические основания — системный подход Парсонса-Лумана к исследованию общества, причем вводимые теоретические представления о социальной работе убедительно вписаны в общесоциологический контекст.

Социальная работа — профессия в научном обеспечении мультидисциплинарная. Это значит, что в целях оказания помощи клиенту социальный работник формирует сеть сотрудничества с другими специалистами — врачом, педагогом, психологом, работником милиции. С другой стороны, социальный работник благодаря профессиональной базовой подготовке сам является универсальным специалистом, владея основными знаниями и навыками многих из этих профессий. Такое интердисциплинарное знание необходимо для первичной диагностики, чтобы помочь другим специалистам увидеть проблему интегрально, со всех сторон. А поскольку интегральный характер социальной работы как науки и практики был сразу очевиден, интегрируемыми областями знания были не только психиатрия, социология, но и экономика, антропология, статистика. Теория социальной работы формировалась не без помощи социологов, психологов, медиков, юристов, а затем педагогов, философов. В первоначальных исследованиях социальных проблем социологов интересовали, прежде всего, проблемы аномии, социальной структуры и социального неравенства, психологов и психоаналитиков — особенности личности и субъективных переживаний, медиков — проблемы соматического здоровья, юристов — проблемы законодательной базы. Позже прибавился интерес педагогов в проблемах воспитания, философов — в вопросах методологии и человеческой экзистенции. Так постепенно был образован фундамент науки, получившей название теории социальной работы.

Отражая интегральный характер профессии, теория социальной работы сложилась на стыке различных дисциплин, явилась результатом междисциплинарных исследований, предусматривая сотрудничество в решении комплексных проблем. В итоге социальная работа выступает предметом научной рефлексии в форме теории социальной работы. И с этих позиций новый учебник можно отнести к числу фундаментальных работ в области теории и практики социальной работы. Во-первых, в работе представлены различные социологические теории, отражающие специфику и развивающие методологию социальной работы. Во-вторых, авторы произвели построение теоретической концепции социальной работы на основании положений системы «человек — среда — регуляторы взаимодействия». В третьих, теоретическая база социальной работы ориентируется на основополагающие знания социологии и социальной политики. Авторы представили развернутое описание предметного поля социальной работы, ее объекта, структурных элементов. Это достаточно идеализированная модель, но отчетливо показывающая институциональность и междисциплинарность социальной работы.

Семантика книги

Отправной точкой книги является стремление связать «единым понятийным содержанием множество направлений в социальной работе» (с. 3). Теоретическое осмысление социальной работы имеет уже вековую историю, и авторы пытаются представить нам свое видение эволюции теоретических концепций. Безусловным достоинством учебника является умение сосредоточиться на методологических

проблемах, без претензий на обладание абсолютной истиной. Понимание сложности и многоплановости исследуемого объекта наблюдается в попытке вычленения социальных сред существования человека, наделения их определенными характеристиками.

Учебник состоит из семи тематических блоков, и самый первый посвящен анализу предметного поля теории социальной работы сквозь призму социологии. Здесь рассматриваются истоки и эволюция теоретических предпосылок развития социальной работы, анализируются идеи западных и отечественных исследователей. Еще в конце XIX в. Дж. Адамс закладывала основы групповой социальной работы и работы с сообществом, фокусируясь на проблемах женщин, мигрантов, занятости и бедности. Позднее ее сторонники сформировали направление Чикагской школы, сформулировали методологические требования, очерчивая круг знаний, необходимых не только социальному работнику, но и социологу, ориентируя на изучение человека и общества на микроуровне, в социально-экологическом ключе.

Становление научной теории социальной работы происходило в период между двумя мировыми войнами, когда социальная работа получала все более широкое распространение в различных регионах мира, сопровождалось теоретическим осмыслением средств, используемых для достижения ее целей. К проблемам методологии социальной работы впервые обратилась М. Ричмонд, основное внимание в своей деятельности она уделяла проблеме нищеты как проявления социальной несправедливости, возлагая большие надежды на науку. Социальный работник должен думать не только о том, как вытащить людей из нищеты, но и о том, как обществу избавиться от нее. Она стала со временем теоретиком социальной работы, заложившим основы ее первой модели: анализ, диагноз, лечение. Модификация этих взглядов, соединенная с идеями Фрейда, была характерна для диагностической школы, в центре внимания социального работника оказалась личность клиента вне его отношения с окружающей средой. Авторы учебника ориентируются на интеллектуальную эволюцию школ и моделей социальной работы, в фокус их внимания попадают психодинамические конструкции, психоанализ, системные идеи Берталанфи (с. 9), экологический подход.

Большое внимание уделяется радикальной и марксистской модели, способствующей развитию «социальной адвокатуры и повышению уровня самосознания клиентов» (с. 10). Заметим, что анализ авторской концепции «человек — среда — регуляторы их взаимодействия» предваряется подробным описанием предметного поля деятельности социального работника; предложена схема интеракций включения и исключения человека из социальной среды в контексте задач социальной работы. В работе проводится анализ соотношений социальных субъектов, приводящий к выводу, что для налаживания взаимодействия оба субъекта (человек и местная власть) должны обладать развитыми формами рефлексии (с. 28). Дидактически важна акцентуация той мысли, что, кроме теоретических задач, у социальной работы имеются важнейшие прикладные задачи: разработка эффективных методов распознавания и технологий разрешения социальных проблем, процедуры экспертных социальных оценок, анализ существующих форм, методов и проектирование организационных структур. Именно здесь авторы проводят анализ причин, приводящих к нарушению равновесия между процессами включения и исключения человека из социальной среды (с. 41–46). Результаты данных процессов должны быть комфортными для человека, результативными, с минимизацией нервных затрат субъекта социальных взаимодействий, что реализуется лишь при эффективном использовании превентивных мер по обеспечению равных возможностей, создания безбарьерной среды, нормальном социальном обеспечении, социальном страховании и оказании социальной помощи.

С другой стороны, контекст институционализации социальной работы в глобальном смысле — это постмодернизм, и это обстоятельство также требует внимания в преподавательском анализе. Наряду с категориями *плюрализм*, *децентрализация*, *неопределенность*, *фрагментарность*, *изменчивость*, *контекстуальность*, любую

ситуацию в теории и методологии социальной работы описывают категории пространства и времени, и постмодерн здесь — не исключение. Мир коллажа — социальные миры субъектов социальной работы, не только мир маленьких людей, но и мир элиты, средних, базовых и нижних слоев (Заславская 2004: 87, 108, 151, 298). При этом самая крупная перестройка в проблемах пространства и времени связана с вопросом, что такое многоформатность данных категорий — аллегория или реальность? И в этом смысле глобальная рациональность вполне соответствует свободе самовыражения многообразия (Покровский 2002), что, кстати, немаловажно с точки зрения социальной интеграции клиента социальной работы.

Темпоральность

Следующая тема «Социокультурные факторы развития социальной работы» подается в жизнеутверждающем темпоральном и позитивном аксиологическом дискурсе. Одна из главных задач социальной работы — помочь человеку поверить в себя, показать, что пограничная ситуация является лишь одним из этапов жизненного пути и каждый способен решать свои проблемы самостоятельно. Социальный работник помогает найти возможные пути преодоления трудностей, активизируя внутренние ресурсы человека, степень самостоятельности клиента, формирование навыков и умений строить свою жизнь (с. 64). Новаторским представляется исследование вариантов развития жизненного сценария клиентов, проведенное авторами, хотя можно спорить с их рассуждениями по поводу представленного для иллюстрации рисунка о благоприятном варианте социального развития человека. И с плохим здоровьем можно добиться значительных успехов, стать успешным творческим человеком — тому немало примеров из жизни классиков литературы, живописи, музыки и даже политики. И, напротив, человек с отличным здоровьем может всю жизнь проработать чернорабочим или вообще стать бомжом, ничего не добиться и даже не добиваться. Иначе говоря, маркеры благополучия размыты, не очевидны. Возможно, примеры благополучного человека и неудачника целесообразнее рассматривать через экспектацию жизненных событий, определяющих соотношение ожидания и достижения каких-либо целей в определенном возрасте. Предпосылки обращения к темпоральности и специальности описания культур, социальных миров — и в современных, и прошлых культурах (Ярская, Яковлев, Печенкин, Ежов 2004: 12–35), но можно констатировать робкое вхождение этих категорий в учебную литературу и различные социальные блоки образовательных программ, в том числе по социальной работе. Это означает, что анализ жизненного пути, например, в качестве метода исследования, применяется в социальных дисциплинах и в том числе в теории социальной работы пока лишь как эксклюзив, а не обязательный принцип.

Текст учебника имеет большое значение для понимания профессиональной деятельности социальной работы, поэтому хотелось бы видеть более четкую структуру целей, задач, объекта и предмета социальной работы. В тексте это все присутствует и в целом удачно вплетено в общую канву учебного материала, но порой воспринимается и вычленяется с определенными барьерами. Еще представители функциональной школы формулировали свое понимание социальной работы, которое отличалось от традиционной точки зрения. Если раньше социальная работа рассматривалась как терапия, проводимая экспертом на основе поставленного им самим диагноза, то теперь — как помощь, осуществление которой зависит от позиции клиента, его желания изменить свое положение. В центре внимания представителей функциональной школы был уже не диагноз, а процесс оказания помощи, предполагающий взаимодействие между социальным работником и его клиентом. Научную базу для социальной работы уже в те годы искали в связи со структурами и процессами, и вслед за психоанализом в научную теорию социальной работы проник бихевиоризм, широкое распространение получили социологические методы Чикагской школы.

Среда и гуманность

Социальная среда и ее характеристики удачно рассмотрены авторами через призму взаимоотношений своего и чужого, а также через понятие *дом*. Авторы предлагают читателям варианты изменения социальной среды через особенности, отличающие урбанизированную, внеприродную среду от природной среды (с. 66–67), делая вывод о том, что доступность различных сред для человека не одинакова и влияет на способность контролировать эти изменения. Именно в данном контексте перечислены некоторые типы соотношений человека и среды (с. 75–77). Если же мы говорим о социальной работе, очевидно, что она имеет дело со случаями неэффективного взаимодействия. Авторы делают вывод о том, что наиболее продуктивно взаимодействие человека со средой, если между ними сложились отношения взаимного обмена. Однако трудно согласиться с тем, что нельзя требовать «полезности» от пенсионеров, инвалидов и детей (с. 77), поскольку, во-первых, находясь в парадигме социальной работы, мы вообще не можем ничего ни от кого требовать, а во-вторых, чем меньше замечают «полезность» перечисленных категорий граждан, чем слабее их статус как носителей социальных и нравственных ценностей, тем дальше мы от цивилизованного общества.

К сожалению, даже представители интеллектуальной элиты еще недостаточно тонко прочувствовали и осознали необходимость их функционирования в процессах обмена с социальной средой. Непонятые, подвергнутые исключению и дискриминации нетипичные дети, по М. Мид (Мид 1988), — это эволюционно наиболее перспективная часть человечества, несправедливость к ней убийственна для общества, ведь оно само нуждается в идеях и образах, рожденных воображением этих детей. Идет процесс социального исключения тех, чья позиция отличается маргинальностью, периферийностью в социальной структуре, низким статусом, специфическим стилем жизни, чувство превосходства перед человеком ограниченных возможностей выступает формой расизма, академической отсталости, нравственной запущенности. Подобная идеология полностью противоречит духу социальной работы, выступает ее антиподом.

Вместе с тем противоречия, порождаемые социальным неравенством — это глубинный источник развития обществ. На индивидуальном уровне наличие социальной пирамиды выступает в качестве фактора, толкающего к восходящей социальной мобильности, но противоречие между реально достигнутым и потенциально возможным индивидуальным статусом — мощный источник и развития личности, и ее аномии. О регуляторах взаимодействия человека и среды говорится в особом разделе учебника, причем акцент делается на локальных и действующих на уровне всего общества, так называемых глобальных регуляторах. Авторы обращаются к дискурсу прав человека, пытаясь ответить на вопрос, а возможно ли построение правового государства? Поскольку история российского государства несовместима с идеями верховенства права и свобод граждан, авторы дают пессимистический прогноз, предполагая процесс созидания правового государства как весьма затяжной (с. 80).

Новый поворот соотношения человека и государства является очевидным, но сложным для воплощения в жизнь. Ведь не только личность должна приспособливаться к социальным условиям и нормам культуры и общества, но и социум должен приспособливаться к личности, находить возможности для ее поддержки и развития, оказывать содействие решению социальных проблем. Отметим, что в учебнике прописаны принципы социальной работы, которые строятся на гуманизме и справедливости, а также приведены этические принципы социальной работы, принятые Международной федерацией социальных работников (с. 81). В контексте категории «гуманность» представляется важным решение этических дилемм, с которыми социальный работник сталкивается в повседневной практике, причем эти рассуждения являются началом приведенной в данном учебнике дискуссии относительно понятия «справедливость», не

получившего достаточного внимания в литературе по социальной работе. Анализируя данное определение, авторы ставят вопрос о том, что такое равенство и неравенство. В работе представлены четыре модели неравенства различной природы, определенные Л. Болтански и Л. Тевено (с. 84–85). Основной вывод заключается в том, что общество сталкивается с дилеммой: с одной стороны, «каждый индивид должен иметь возможность занять любое социальное положение», а с другой, рыночные силы оправдывают разрыв доходов между людьми, а, соответственно, и статусных позиций в обществе.

Подобный гуманистический подход в социальной работе предполагает, что социальная работа — это профессиональная деятельность по улучшению качества жизни людей. Авторы осуществляют далее, казалось бы, неожиданный переход от анализа гуманизма, справедливости, прав и принципов в социальной работе к такому регулятору взаимодействия человека со средой, как страх. Предложенные позиции оригинальны, поскольку тема страха рассматривается в контексте исторического подхода с примерами из социальных трансформаций российского государства. Страх перед радикальными изменениями в государственном устройстве, катастрофами, старостью могут приводить к параличу сознания и воли. В связи с этим одной из задач социальной работы является социально-психологическая подготовка людей к возможным изменениям в социальной среде. Авторы увлечены анализом проблем пожилых людей, поэтому в качестве иллюстраций страхов и работы с ними выступает решение проблем данной категории граждан.

Профессионализация

Социальная работа как профессия находится в процессе своего определения и признания со стороны общества, хотя уже возникла искаженная традиция определять социальную работу узко — лишь в качестве помощи по дому или социально-экономической помощи в виде пособий. Кадры социальной сферы в подавляющем большинстве ни методологически, ни технологически на протяжении длительного времени не были подготовлены к реализации высоких идей ресурсной концепции социальной политики на местах. К тому же социальные работники в некоторых центрах реабилитации рассматриваются в первую очередь как служащие регистратуры. Многие государственные чиновники не понимают роли социальной работы, недооценивают важность вузовского образования, сомневаясь в необходимости профессионального образования для социальных работников. В службах порой наследуется организационная культура собеса — бюрократический мир безразличных чиновников, чьи функции не требуют профессиональной квалификации; остаются те же служащие, начальники приходят из бывших собесов. Социокультурный контекст такой организации включает специфические практики управления, в том числе способы профессионального отбора, найма на работу и организационной социализации. Такая организационная культура сопротивляется инновативным процессам, которые угрожают бюрократическим основам здешнего порядка. Необходимость пересмотра старых институтов, скомпрометировавших себя бюрократизмом и невниманием к человеческим проблемам, и сориентировали общество навстречу новому знанию и новой массовой профессии.

Требование права на уникальную компетентность, поддерживаемую юридически, есть базовая стратегия профессионализма, а контроль рекрутирования, профессионального отбора есть существенная часть этого процесса. Достижения профессионального статуса должны гарантировать высокие материальные награды, исключать внешние оценки качества услуг и давать гарантированную безопасность владельца тем, кто допущен к практике. Это может привести к серьезным конфликтам между профессионалами и теми, кто намеревается разрушить их монополию на статус и экспертизу: во-первых, выпускники встречаются с враждебностью там, где большинство позиций уже занято непрофессионалами. Во-вторых, социальная работа как новая профессия пересекается с традиционными профессиями, которые в свою очередь испытывают обновление.

Вместе с тем уже появились новые, прогрессивные тенденции — связывать социальную работу с практикой реабилитационной работы в команде, в том числе и с деятельностью службы занятости. Профессиональная компетентность социальных работников является регулятором взаимодействия человека и среды, и в данном учебнике речь идет о том, каким должен быть социальный работник, какие личностные качества, ценностные ориентации, этические нормы необходимы для становления профессионала. Перед авторами учебника встала задача определить структуры профессиональной компетентности социального работника. Это возможность анализа, поиск, критическое мышление, сотрудничество, организация работы, адаптация к трудностям и толерантное отношение к различным проблемам, здесь привлекаются примеры разрешения противоречивых требований во взаимоотношении социального работника и клиента (с. 97–101). В итоге авторы предупреждают, что этические кодексы не всегда адекватны практикам, и следует осторожно подходить к решению проблем, избегать штампов. Творческое решение проблемы, новаторство и большая вариативность возможны лишь при высокой компетентности социальных работников.

Пространство социальной политики

Наиболее конструктивным в учебнике является глубокий и всесторонний анализ теоретических подходов к изучению взаимосвязи социальной работы и социальной политики. Их взаимосвязи посвящена отдельная тема, и здесь чувствуется научный и методологический интерес авторов. Вместе с тем можно говорить о перспективе подобных учебных изданий. Так, в современной науке сформировано направление, для которого характерно понимание социального пространства как пространства позиций и понимание структур как относительно устойчивых форм деятельности, процессов, практик. Данное направление развивают П. Бурдье, Э. Гидденс, В. Ильин, Ю. Качанов, В. Печенкин, П. Штомпка, Л. Яковлев. Это направление в социальной теории является перспективной основой для разработки концепции и теории социальной работы. Каждое социокультурное поле — это порождение определенного типа практики, оно привязано к одной из сфер социального пространства — этнической, гендерной, расовой, классовой, территориальной, отраслевой. Социальное пространство имеет «процессуальный образ» (Штомпка 1996: 26), его содержание — это бесчисленные практики бесчисленных индивидов, как разрозненных, так и объединенных в коллективы.

Социальная политика ориентирована на проблемы больших групп людей и способствует их социальной включенности, а социальная работа конструирует собственное социальное пространство с помощью различных категорий клиентов. Авторы акцентируют внимание на распределении льгот и пособий для лиц, нуждающихся в дополнительной помощи от государства. Но из-за бюрократизации общества, несовершенства социальной политики трудно идентифицировать различные категории граждан, которым положена дополнительная материальная поддержка. Несмотря на это, в фокусе социальной работы по-прежнему остается клиент определенной категории, в зависимости от этого ему назначается помощь в решении проблем (с. 116–117). Пожалуй, стоит согласиться с авторами в том, что помощь, оказываемая государством, требует дополнительного осмысления, сами клиенты должны стать равноправными партнерами государства при реализации социальной политики и перестать занимать позицию потребителя льгот и гарантий. Действительно, концептуальные изменения в социальной политике связаны с объективными процессами социальных реформ, общим фронтом социальных исследований, антропологическим поворотом в науке, освобождением идеи человека от фатальности идеологических и классовых оков, преодолением иждивенческой психологии, политики собесовского подаяния и государственного патернализма, переходом к концепции человеческих ресурсов.

Авторы предлагают различные интерпретации категории «социальная политика» (с. 117–123), раскрывая ее средства и цели, иерархию субъекта и объекта, способы их

взаимодействия. В итоге обосновывается переход от административных методов управления социальной политики к правовому регулированию. Многие известные ученые* отмечали, что социальный характер современного общества включает стремление к потреблению, одиночество, отчуждение. Наблюдаются процессы экспроприации собственности и укрепление государства, которое становится субъектом многих жизненных процессов, утрата чувства общности, рост индивидуализма и дезинтеграции, аномии, разрушение традиционных связей, вызывающее социальную патологию. Формализация общественной жизни сопровождается обезличиванием человека и утратой индивидуальной свободы, и все это традиционно относят к числу проблем, находящихся в поле зрения социальных работников. Вот почему, размышляя о реализации социальной политики в социальной работе, на первый план авторы выводят «компенсирующую» функцию (с. 138).

В контексте этой задачи даже в головном вузе, включающем УМО по направлениям социального образования, обновление курсов является обусловленным тем, что современная социальная политика выступает процессом либерализации социальной сферы, преобразования социальных систем, совершенствования механизмов функционирования культур. На смену узко юридическому пониманию равенства прав и механической концепции перераспределения, в которой государство воспринимается как обобщенная страховая компания (Розанваллон 1997: 13, 187), приходят новые практики принципа справедливости.

В учебнике изложены два принципа интегративного понимания социальной работы: профилактика социальных рисков и активизация человеческих ресурсов. В табличном формате авторы показывают разницу этих двух направлений, эта иллюстрация дает перспективу стратегического осмысления социальной работы. В данном случае это известный переход от welfare (благополучия на основе пособий) к workfare (благополучию на основе занятости) (с. 139), осуществление которого достаточно подробно рассматривается в литературе по социальной работе последних лет. Авторы сумели удачно аккумулировать библиографические источники и обосновали проблемы, с которыми сталкивается Россия при реализации этой концепции.

Направления социальной работы

Сильной стороной учебника выступает социологический анализ в четвертой теме — теме уровней социальной работы и ее среды, а также специфики индивидуальной и групповой работы. В самом деле, социальная работа традиционно направлена на развитие индивида, семьи, нации, мирового сообщества — для воплощения в жизнь принципов социальной справедливости. Анализируя современные техники интервенции в социальной политике и социальной работе, авторы расставляют акценты на факторах осознанного участия клиента в процессе социальных изменений, формулируют различные классификации уровней социальной работы и тезис о возможности их дальнейшего расширения. Так, вариант традиционной классификации «может быть обогащен с помощью понятия среды» (с. 144).

Семья как первичная социальная среда анализируется в учебнике с позиций стабильности/нестабильности, ресурсного обеспечения и доступности его для детей, рискогенности, скрытых резервов, доступности семейной среды для освоения человеком, разнообразия, меры открытости и наличия или отсутствия посредников между человеком и социальной средой (с. 144–148). Проводимый анализ убеждает, что семья действительно является средой для человека, хотя «находится под прессом противоречивых сил и тенденций», обусловленных внутренними и внешними факторами (с. 148). Социальная работа призвана помочь семье стать максимально комфортной и привлекательной для

* Среди них Х. Аренд, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Ф. Теннис, Э. Фромм.

каждого члена этой семьи, поскольку она является первичным агентом социализации и воспитания детей, т. е. граждан государства. Но, с другой стороны, семья ведь еще и укрытие, ниша, где человек может отдохнуть от тоталитарного давления и диктата государства-спрута.

В противном случае нет спасения от идеологии, которую М. Фуко назвал надзирать и наказывать. Этим руководствуется и большинство других институций — существует социальная среда образовательных и воспитательных учреждений, приоритетное место занимает школа. Функция предупреждения, профилактики нежелательного поведения чрезвычайно важна, поэтому необходима «корректно построенная первичная профилактика девиантного поведения в среде образовательных учреждений» (с. 164). В развитии социальной работы обнаружилось различные типы клиентов, с которыми имели дело ее представители — индивид, семья, община и группа. Отсюда и дифференциация социальной работы, результатом которой явилось появление в ней различных специальностей. Но это же обстоятельство одновременно сделало актуальным вопрос о ее единстве, и сегодня социальная работа представляет собой единую, авторитетную профессию, состоящую из множества специальностей, между которыми существует больше сходств, чем различий.

Социальная среда города или района также является объектом пристального внимания со стороны социальных работников. Жители не всегда знают, что в их районе что-то происходит, а если и знают, то у них нет уверенности, как лучше поступить. Социальный работник должен принимать непосредственное участие в формировании этого адекватного самопонимания. Формы активизации достаточно разнообразны, но авторы учебника делают основной упор на взаимодействиях между властью и населением, предлагая так называемую лестницу уровней социального участия (с. 177). Каждый уровень предусматривает определенное поведение со стороны субъектов интеракций. В данном разделе приводится пример «уплотнения» застройки в городских кварталах крупных городов. Примечателен вывод авторов о том, что «местная власть как орган рефлексии территориального сообщества должна подпитываться объективной социальной диагностикой, тогда осуществляемые ею воздействия станут понятны людям» (с. 179). Так как государство выступает одним из типов социальной среды, то авторы достаточно подробно анализируют разницу доходов населения, уровень вмешательства государства в поддержание нуждающихся граждан, рассматривают выплаты получателям денежных средств. Отмечается, что государство должно поддерживать социальное развитие человека, но приоритетные социальные проблемы могут меняться в зависимости от исторического и социокультурного контекста (с. 192).

О технологиях и организационных культурах

В отечественных практиках социальные, экономические, медицинские и профессионально-образовательные услуги для детей с особыми потребностями, молодежи, пожилых, инвалидов остаются фрагментированными, многие агентства и университетские отделения действуют как изолированные острова, не задумываясь о потребностях в сотрудничестве и совместных усилиях в образовании и практике. В качестве социальной среды в учебнике рассматриваются и экономические ресурсы, и гражданское общество. Авторы обращают внимание на то, что гражданам необходимо самим научиться решать свои проблемы, основываясь на использовании правовых норм, но этого не происходит, поскольку существует слабая вовлеченность в этот процесс из-за отчуждения от любой власти — социальные работники как раз и могут стать посредниками в этом взаимодействии. Но сама система российской социальной защиты остается не до конца интегрированной в силу слабой артикуляции деятельности государственных агентств. Тем более радует, что специальная тема учебника рассматривает общие технологии социальной работы, в их числе —

психопрофилактическая работа с детьми и подростками, молодежью допризывного возраста, пожилыми, женщинами, представителями групп риска. Авторы анализируют правовые документы, законодательные акты, кодексы, предлагают различные технологии адаптации и социального сопровождения этих категорий граждан. К сожалению, авторы упускают здесь вопросы гендерного неравенства, что является чрезвычайно важным для теории и практики социальной работы.

В неразрывной связи с технологиями социальной работы находятся социальное обеспечение, страхование и помощь. В учебнике проводится обоснованная критика закона о монетизации льгот, приводятся варианты решения проблемы замены льгот денежной компенсацией с учетом гибкого порядка включения клиентов в ресурсную систему (с. 273). Интересен экскурс в историю развития социального страхования, который берет свое начало с принудительного страхования от несчастных случаев в Пруссии и заканчивается современным зарубежным опытом социального страхования. Перед Второй мировой войной социальная работа стала международным явлением, которое прочно вошло в повседневную жизнь многих стран, осознавших необходимость профессиональной помощи нуждающимся и нетипичным членам общества. Авторы учебника нетривиально трактуют категорию социальной помощи, в частности, понятие адресного подхода, который, вопреки общественному мнению, может оказаться не только средством наделяния материальными благами тех, кто нуждается в поддержке, но одновременно стать стигматизирующим элементом. «Эффект клейма» может стать серьезнейшей проблемой, поскольку адресная помощь — это открытый показатель бедности и нужды, но не все люди хотят в этом признаваться (с. 287). Задачей современного социального работника становится изучение выгод и издержек по оказанию любой помощи населению.

Заключительная часть учебника — тема, в которой рассматривается история, современные проблемы и перспективы развития социальной работы в России. Исторические основания социальной работы, связанные с развитием благотворительности и милосердия, в учебнике рассматриваются, пожалуй, не слишком глубоко, мимоходом, что, к сожалению, вполне в традициях отечественной литературы — в таком быстром взгляде смешиваются благонравные поступки и профессиональная деятельность. Более детально проводится анализ государственной системы социального обеспечения населения в советское время, современный же этап развития социальной работы характеризуется как отказ от универсалистского социального обеспечения и переход к адресной помощи населению. Так как институт социальной работы реализует социальную политику на практике, в завершение авторы рассматривают организационные структуры и профессионализацию социальной работы в Российской Федерации. В этих разделах авторы показали основные проблемные зоны социальной работы в профессиональной структуре социальной сферы. Развитие российского общества возможно только при условии переориентации социальной работы на образование, здоровье и другие социальные ресурсы людей при непосредственной поддержке государства. Сегодня можно уверенно говорить о повышении квалификационного уровня кадров социальной сферы, которые ранее в подавляющем большинстве ни методологически, ни технологически не были компетентными. Благодаря сотрудничеству с академическими кафедрами сделано многое и будет сделано еще больше, хотя объединенное Министерство по концептуальному и методологическому оснащению — не самое лучшее среди других правительственных структур.

Авторы дают толчок нашей мысли и заставляют задуматься о том, что новизна методологии социальной работы состоит в трансляции идеи партнерства институтов социальной политики, образования и воспитания. Социальный институт по созданию условий для понимания, социальной поддержки, коррекции нетипичного индивида должен быть дополнен инновационной моделью образования. С самого начала существования этой профессии в России идея сотрудничества университетских отделений

социальной работы и агентств социальной работы реализовывалась с трудом. Образование по этой специальности начало развиваться, когда ставки социальных работников были уже заняты непрофессионалами — представителями бывшей номенклатуры, демобилизованными офицерами, безработными инженерами, школьными работниками, всеми, кто искал работу или оказался рядом с директором в подходящий момент. Они-то и стали первым поколением специалистов по социальной работе. Испытывая неловкость, неоднократно переименованное Министерство рекомендовало администраторам социальных служб повысить число работников, имеющих соответствующий диплом.

Существует неясность профессиональной идентичности социальной работы: практически одновременно в начале 1990-х гг. в России появились «социальные работники» и «специалисты по социальной работе». К социальным работникам, помогающим одиноким престарелым и инвалидам, люди быстро привыкли, понятие «социальная работа» приобрело вполне конкретный смысл. Должность специалиста по социальной работе, рассчитанная на выпускника вуза соответствующей квалификации, долгое время оставалась *ignoramus et ignorabimus*. Так как большая часть работников социальных служб не имела базового образования, эффективность их деятельности была невысока, многие из них не могли пройти профессиональную аттестацию на соответствие занимаемой должности.

Вначале федеральное министерство оплачивало вузам интенсивные программы второго высшего образования по социальной работе, но этот источник быстро иссяк, региональные бюджеты не располагают ресурсами, хотя статистика по квалификации занятых в социальной сфере по сей день не удовлетворительна. Многие годы существовал монополист — ведомственный вуз с многочисленными филиалами в регионах, которому Минтруда отчислял немалые средства. Организация в провинции московских филиалов наряду с имеющимися базовыми кафедрами и отделениями Минобразования затрудняла профессионализацию социальной работы на местах, поощряя зависимость от центра. Ориентированные вышестоящими инстанциями на сотрудничество с филиалом, работники социальных служб лишались контактов с местной академической средой, где проводятся исследования, происходит обновление знания по социальной работе, социальной политике.

Несмотря на это сегодня можно уверенно говорить о повышении квалификационного уровня кадров социальной сферы, которые ранее в подавляющем большинстве ни методологически, ни технологически не были компетентными. Выпускники отделений социальной работы пользуются все большим спросом на рынке труда. Если в начале 1990-х гг. университетские отделения социальной работы испытывали затруднения в поиске мест прохождения практики студентами в учреждениях социальной защиты, то в конце этого десятилетия связи между образованием и практиками стали крепче. Ахиллесова пята технократической парадигмы образования вообще и по социальной работе в частности, — отсутствие трудовой этики, позиция оторванного от рынка теоретизма, не содержащего цель науки как реализацию стандартов цивилизованного поведения в практическом поле социальной жизни.

Кадровый аспект концепции социальной работы имеет ряд направлений и расшифровывается отнюдь не только подготовкой персонала для социальной сферы. Все более артикулированной предстает проблема не только профессионально, но и социально компетентного специалиста любых отраслей рыночной экономики, и в этом тоже значимость веского слова авторов нашего учебника. Здесь необходимо не только поле общественного согласия, солидарной ответственности личности, общества, государства, но и переход от ситуационных решений к долгосрочной, динамичной программе действий, от ведомственной системы — к общественно-государственной. Самое трудное в институционализации социальной работы, и это отчетливо понимают создатели нового учебника — это качественная переработка ее содержания, адаптация западных моделей к

российской реальности: единство входящих в гражданское общество социальных страт определяется не степенью зажиточности, а свободой жизненного выбора.

Выводы

Важно, чтобы клиенты, академическое и профессиональное сообщество, образовательные структуры пришли к взаимному пониманию посредством диалога ученых, социальных работников, учреждений и государства. К сожалению, рецензируемый учебник издан небольшим тиражом, академическая общественность ожидает переиздания этого труда для его широкого использования в образовательных программах по многим направлениям и специальностям: социальная работа, социальная антропология, социология, социокультурный сервис и туризм, работа с молодежью, культурология. К тому же последующее переиздание могло бы закрыть белые пятна по социальной работе в армии, пенитенциарной системе, системе работы с мигрантами и этническими группами. В будущих изданиях можно также рекомендовать авторам более широкое привлечение известных дидактических приемов репрезентации текста, поскольку сплошной текстовый массив сложен для восприятия. Более эффективным является применение всевозможных шрифтовых выделений, рамок, различных форматирований.

Но и в получившемся виде рецензируемый учебник — позитивное явление в сфере нашей социальной работы, он основан на новаторских стратегиях и, безусловно, полезен для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей университетских специальностей социального профиля. Данный учебник насквозь пронизывает гуманистическая идеология, социальная работа раскрывается как медиум культуры, рефлексия социальных и личностных проблем, разработка технологий социальной и экзистенциальной терапии социальных патологий, возрождение социального здоровья населения, интеграция индивида в норму социума. Не политика социальных исключений и дискриминационных акций, не баланс власти и экономики, но повседневная жизнь человека, осуществление жизненных планов, освобождение ресурсов становятся приоритетом для социальной работы, системы социального образования.

Рецензируемое издание лишь отчасти восполняет дефицит информации в этой области, но позволяет подняться на новый уровень в осмыслении теоретических основ и практик социальной работы. В любом случае с новым учебником, написанным талантливыми авторами, можно поздравить не только академическую общественность и представителей социального образования, но и огромную армию тружеников социальной сферы, реализующих принципы социальной политики и индивидуальной социальной работы.

Литература

Григорьева И.А., Келасьев В.Н. Теория и практика социальной работы. Учебник. СПб.: СПбГУ, 2004.

Григорьева И.А. и др. Социальная работа. Введение в профессиональную деятельность / Ред. межд. магистр по соц. работе А.А. Козлов. УМО по соц. работе. М.: Межд. проект, 2004.

Ежов О.Н. Жизненный путь. Саратов, 2000.

Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Козлов А.А., Иванова Т.Б. Практикум социального работника. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001.

Наберушкина Э.К., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная работа с инвалидами. Учебное пособие. СПб.: Питер, 2004.

Основы социальной работы: Учебник / Отв. ред П.Д. Павленок. М.: ИНФРА-М, 1997.

Россия в глобальном контексте. Статьи российских социологов для участников русского форума на XV Всемир. конгрессе социологов, Брисбейн, Австралия. М.: РИЦ ИСПИРАН, 2002.

Россия: трансформирующееся общество / Под ред В.А. Ядова. М.: Канон-Пресс-Ц., 2001.

Смирнова Е.Р. Профессиональная этика социальной работы. М.: Ключ-С, 1999.

Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002.

Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты. Учебное пособие / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.

Социальная работа: методология, теория, технологии. Уч. пос. в двух частях / Отв. ред. магистр Гетеб. ун-та по соц. работе Е.Р. Ярская-Смирнова. Саратов: ПМУЦ, 1998.

Суркова И.Ю. и др. Социальная антропология насилия. Саратов: СГТУ, 2005.

Суркова И.Ю. Факторы социально-психологической адаптации военнослужащих в контексте моделей социальной работы // Медико-биологические и психолого-педагогические аспекты адаптации и социализации человека. Волгоград: ВолГУ, 2003.

Теория и практика социальной работы. Уч. пос. / Ред. проф. В.Н. Ярская. Саратов: СГУ, 1995.

Теория социальной работы. Учебник / Ред. Е.И. Холостова. М.: Юристъ, 1998.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект пресс, 1996.

Энциклопедия социальной работы. М.: ИСР АРСС, 1997.

Ярская В.Н. Благотворительность и милосердие как социокультурные ценности // Российский журнал социальной работы. 1995. № 2.

Ярская В.Н. Экзистенциальные смыслы и гражданские перспективы социального образования // Журнал исследований социальной политики. 2004. Том 2. № 3.

Ярская В.Н. Ядро тезауруса социальной работы. Аспекты соотношения теории социальной работы и социальной педагогики // В поисках истины. Материалы методологического семинара Института социальной работы АРСС. М., 1995.

Ярская В.Н., Смирнова Е.Р. Философия и методология социальной работы. Учебное пособие. Саратов: СГТУ, 1997.

Ярская В., Яковлев Л., Печенкин В., Ежов О. Пространство и время социальных изменений. М.; Саратов: Научная книга. 2004.

Ярская-Смирнова Е.Р. Профессионализация социальной работы в России // Строительство мостов: социальная работа в изменяющихся обществах и культурах. Архангельск: АГМА, 1999.